

УДК 94 (430)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85

ИВАНОВ Александр Гаврилович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

Alexander G. IVANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

РЕЙНСКИЙ КРИЗИС 1936 Г.

THE RHINELAND CRISIS of 1936

В статье анализируется один из острейших кризисов кануна Второй мировой войны - Рейнский кризис 1936 г. Наличие демилитаризованной зоны существенно сдерживало экспансионистские устремления нацистов и делало практически невозможной агрессию Германии как на Запад, так и на Восток. Поэтому Гитлер воспользовался ситуацией, связанной с итало-эфиопской войной и нежеланием Великобритании и Франции обострять отношения с Германией. Документы фонда Форин оффис подтверждают, что в Лондоне задолго до Рейнского кризиса были согласны на ремилитаризацию зоны в надежде, что эта уступка приведет к долгожданному широкому соглашению с Гитлером и поможет урегулировать острые противоречия Англии с Германией. Что касается Франции, то, как показано в статье, она уже шла в фарватере английской политики умиротворения, и это негативным образом влияло на ее стратегию и положение в Европе. К тому же Франция в начале 1936 г. стояла на пороге парламентских выборов и в критические дни марта выбрала бездействие. Ремилитаризация Рейнской зоны Германией разрушила систему Локарно и позволила Гитлеру укрепить западную границу. Перевооружение Третьего рейха пошло ускоренными темпами, а шансы войны заметно возросли.

The article analyses one of the acutest crises before the Second World War - the Rhineland crisis of 1936. The fact of demilitarized Rhineland zone essentially restrained expansionist aspirations of the Nazis and made practically impossible Germany's aggression either to the West or to the East. Thus Hitler made use of the situation connected with the Italo-Abyssinian War and unwillingness of Great Britain and France to sharpen the relations with Germany. Documents of the Foreign Office's files testify that there in London, long before the Rhineland crisis, were ready to agree that remilitarization of the zone was possible in a hope that such a concession would lead to a long-awaited wider agreement with Hitler and would help to settle acute contradictions of Britain with Germany. So far as France goes, as it is shown in the article, she was already going along with the British policy of appeasement, and this influenced negatively on her strategy and the position in Europe. More than that, France in the beginning of 1936 was standing before parliamentary elections and chose inaction. The remilitarization of the Rhineland zone by Germany devastated the system of Locarno and made it possible for Hitler to fortify the Western frontier. The rearmament of the Third Reich went on a higher speed and chances of war became much greater.

Ключевые слова: кризис, политика умиротворения, Германия, западные державы, Локарно

Keywords: crisis, policy of appeasement, Germany, Western powers, Locarno

В предвоенной истории Европы Рейнский кризис занимает особое место. Ввод немецких войск в демилитаризованную Рейнскую зону ранним утром 7 марта 1936 г. явился отправным пунктом качественно нового этапа подготовки Германии к войне. Он позволил Гитлеру укрепить границу Германии с Францией и Бельгией и развязать себе руки для экспансии как на Запад, так и на Восток. Перевооружение Германии пошло стремительными темпами, система Локарно оказалась разрушенной, а в лагере западных держав усилились центробежные тенденции.

Использованные в данной статье архивные документы позволяют подробно проследить предысторию и развитие Рейнского кризиса, выявить побудительные мотивы в поведении правительств Великобритании и Франции, которые, с одной стороны, были заинтересованы в поддержании мира, но с другой - вольно или невольно способствовали разрушению хрупкой системы безопасности на Западе.

Этот, на первый взгляд, парадокс объясняется противоречивостью политики умиротворения и неспособностью ее архитекторов осознать тот непреложный факт, что избранная ими тактика взаимных уступок в отношениях с ревизионистскими державами - Германией и Италией - не срабатывает, ибо диктаторы всегда ставят силу выше права. В результате получилось так, что политика умиротворения, направленная на достижение широкого соглашения с Гитлером и Муссолини с целью не допустить европейской войны и вовлечения в нее Великобритании и Франции, обернулась не только против малых стран, ставших разменной монетой в большой дипломатической игре, но также про-

тив западных держав. Не случайно распад Версальской системы, начавшийся еще до прихода Гитлера к власти, заметно ускорился после 1933 г. при попустительстве умиротворителей, а с ремилитаризацией Германии Рейнской зоны по ней был нанесен ощутимый удар.

Для Гитлера чрезвычайно важным было осуществить ремилитаризацию Рейнской зоны, ибо без укрепления границы с Францией и Бельгией он не мог рассчитывать на успешную реализацию своей внешнеполитической программы. Что касается времени, определенного фюрером для проведения этой крайне рискованной акции, то оно было выбрано весьма удачно: Великобритания и Франция были поглощены итало-эфиопской войной, да и внимание европейской общественности переключилось на район Африканского Рога.

Итало-эфиопская война повлияла непосредственным образом на решение Гитлера ввести войска в Рейнскую зону. Неэффективность санкций Лиги Наций против Италии и стремление правительств западных держав договориться с Муссолини за счет Эфиопии убедили фюрера в том, что наступил решающий момент для изменения статуса зоны.

Акция Гитлера по ремилитаризации Рейнланда была крайне рискованной. Германия только разворачивала свой потенциал и заметно уступала западным державам, но главное - она не имела никаких укреплений на границе с Францией и Бельгией. В то же время без решения этой задачи Третий рейх был не в состоянии развивать экспансию как на Запад, так и на Восток. К тому же Гитлер учитывал, помимо военно-стратегических и внешнеполитических, также другие факторы. Как пишет английский историк Р. Эванс, «внутренняя ситуация в Германии весной 1936 года была настолько сложна, учитывая нехватку продовольствия, усиливавшийся конфликт с католической церковью и общее недовольство и раздражение, что какая-нибудь дипломатическая победа была бы крайне кстати, чтобы поднять моральный дух народа» [1, с. 686-687]. К тому же генералы поддержали Гитлера в его намерении ввести войска в Рейнскую область и тем самым организовать надлежащую оборону на Западе. Рейхсканцлер учитывал также беспомощность Лиги Наций во время итало-эфиопской войны, нерешительность и соглашательскую позицию западных держав. Во Франции резко обострилась борьба между левыми и правыми накануне всеобщих выборов в парламент в мае 1936 г., на которых победу одержали левые и левоцентристские партии Народного фронта. Таким образом, все внимание французских политиков сконцентрировалось на внутренних проблемах.

Что касается Великобритании, то она даже больше, чем Франция, не желала противодействовать Германии. Английское правительство не исключало вероятности нарушения Германией Версальского и Локарнского договоров задолго до событий марта 1936 г. Так, еще 1 мая 1935 г. помощник постоянного заместителя министра иностранных дел О. Сарджент в памятной записке отметил: «Мы должны допустить, что перевооружение Германии включает ремилитаризацию Рейнской области» [2, р. 60]. 21 ноября 1935 г. он и руководитель Центрального департамента Форин оффис Р. Уайгрэм представили меморандум «Британия, Франция и Германия», где изложили три возможных варианта английской политики в германском вопросе. В нем констатировалось, что руководство Третьего рейха планирует в ближайшем будущем осуществить ремилитаризацию Рейнской области, добиться возвращения колоний, аннексировать Австрию и присоединить к Германии районы Чехословакии, населенные немцами. Кроме того, Гитлер намеревается разрешить в свою пользу вопрос о территориях, отошедших по Версальскому договору к Польше, и усилить экономическое проникновение Германии в Дунайский бассейн и Восточную Европу.

«Политика бездействия» представлялась британским дипломатам бесперспективной. Они возражали и против «окружения» Германии на том основании, что создание антигерманского блока приведет к оформлению противостоящего блока ревизионистских держав, тогда как Великобритания выступала против принятия каких-либо твердых и долговременных обязательств. Выражалось также сомнение в реальности «окружения» Германии из-за очевидной непрочности антигерманского союза. Оставалось, таким обра-

зом, одно: добиваться соглашения с Гитлером. Авторы особо подчеркнули, что сближение с Германией - «единственная конструктивная политика для Европы».

Реализация поставленной задачи облегчалась, на взгляд Сарджента и Уайгрэма, рядом обстоятельств: желанием правительства Франции прийти к взаимопониманию с Германией; заявлениями руководителей Третьего рейха об их стремлении жить в мире и согласии с западными державами; трудностями проведения германской экспансии на западе и осознанием того, что ее легче осуществить на востоке и юго-востоке Европы. В меморандуме подчеркивалась необходимость срочного поиска подходов к англо-германскому сближению, поскольку нет никаких гарантий, что Великобритания сократит отставание в вооружениях, да и Гитлер может изменить дружеский тон по отношению к ней. Кроме того, англо-германское соглашение предотвратит нормализацию отношений между Германией и СССР.

Авторы меморандума считали, что Англия должна пойти по пути уступок Гитлеру. Статус демилитаризованной Рейнской области казался им «ненормальным», и его предлагалось разрешить за столом переговоров. По колониальному вопросу, особенно болезненному для Великобритании, конкретных рекомендаций сделано не было - его предлагалось детально изучить. Максимальные уступки Германии намечалось сделать в Центральной и Восточной Европе; в этой связи подчеркивались трудности обеспечения безопасности Польши и Прибалтики; «успокоительным» был вывод о том, что аннексия Австрии, Мемеля и части Чехословакии Германией может произойти «мирным путем». Сарджент и Уайгрэм утешали себя и членов правительства тем, что сближение с Германией благотворно повлияет на политику Гитлера в Центральной и Восточной Европе, будет способствовать ее «смягчению».

Рассчитанный таким образом внешнеполитический курс Великобритании был фактически направлен на удовлетворение очередных притязаний нацистов, прежде всего в центре и на востоке Европы. Он трактовался как поиски путей «обеспечения коллективной безопасности и международного сотрудничества посредством замирения Европы с Германией» [3, с. 93-95]. Однако такая формула была столь же далека от подлинной безопасности, как и заявления руководителей рейха об их стремлении к миру.

Эти заявления все чаще перемежались угрозами по адресу реальных и потенциальных противников нацизма. Так, например, Гитлер в беседе с английским послом в Германии Э. Фиппсом 13 декабря 1935 г. традиционно долго распространялся о «большевистской угрозе». Он обвинил Великобританию в стремлении использовать Россию в качестве контрбаланса влияния Японии на Дальнем Востоке. Фиппс отверг это голословное обвинение и заявил, что нельзя игнорировать Россию, как поступал в свое время Клемансо, и что его правительство надеется на «смягчение» советской внешней политики.

Рейхсканцлер подчеркнул свою особую заинтересованность в дружбе с Англией, но тут же поставил вопрос о возвращении Германии ее бывших колоний. В связи с итало-эфиопской войной он выразил удивление британской позицией: «Фашизм необходим в Италии, иначе там воцарится хаос». Посол заверил Гитлера в том, что Англия отнюдь не желает крушения режима Муссолини и предпочитает его хаосу. Из этой беседы Фиппс вынес твердое убеждение в стремлении Германии к ничем не ограниченному развитию вооружений на суше и в воздухе, поскольку фюрер, опираясь на неудачный опыт Лиги Наций с санкциями против Италии, отметил: «Только сила способна гарантировать безопасность и суверенитет государства» [4, р. 26, 32-35, 40].

За несколько дней до этого Фиппс сообщил в Форин оффис, что Гитлер намеревается вторгнуться в Рейнскую область и укрепить ее. Он подчеркнул важность незамедлительного соглашения с германским правительством по вопросу о статусе области [5, р. 122-123].

В Лондоне рассматривали данный вопрос как часть общего урегулирования с Германией. Но сближение с Берлином не было гарантированным, и на этом пути неизбежно возникали серьезные проблемы. В случае неудачного исхода переговоров с Гитлером Великобритания оказывалась в незавидном положении проигравшего игрока со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, англичане опасались вызвать раздра-

жение Франции и ее союзников на востоке Европы, прежде всего Чехословакии и СССР. И все же идея соглашения выглядела настолько заманчивой, что правительство С. Болдуина считало возможным согласиться на новые уступки нацистам, включая изменение статуса Рейнской области и предоставление широкой экономической и финансовой помощи Германии. Предполагалось, что Гитлер в обмен несколько ограничит германские вооружения и возвратится в Лигу Наций [6, р. 146].

Впрочем, цена уступок могла быть и более высокой. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт в меморандуме от 3 февраля 1936 г. подробно проанализировал намерения Германии и определил круг проблем, подлежащих обсуждению на англо-германских переговорах. Процесс вооружения Германии представлялся ему тревожным, но не менее опасными выглядели политические цели режима Гитлера: аннексия Австрии, Мемеля, Данцига, части Чехословакии, а также совместный с Польшей захват Советской Украины и полное подчинение Прибалтики. Он выступал за соглашение с Гитлером, но не посредством предоставления ему свободы действий в Центральной и Восточной Европе, ибо это «аморально и может нанести сильный удар по позициям Великобритании и лишить ее союзников», а за счет разрешения в пользу Германии колониального вопроса. Ванситтарт предлагал урегулировать его в рамках Лиги Наций на основе рекомендаций специальной международной комиссии. Изменение статуса Рейнской области он рассматривал как необходимую предварительную уступку Гитлеру [6, р. 150, 152-154].

Но подобные схемы не учитывали целый ряд важных обстоятельств. Германский рейхсканцлер не собирался возвращаться в Лигу Наций, равно как и ограничивать масштабы вооружения рейха. Его заявления о согласии подписать воздушный пакт (об ограничении ВВС Германии и западных держав) звучали не очень убедительно на фоне широкомасштабного производства самолетов в Германии: если в 1935 г. их было выпущено 3183, то в 1936 г. - уже 5112. Для сравнения: в Англии в 1935 г. было произведено 1140 самолетов, а через год - 1877 [7, р. 21]. В диалоге с англичанами Гитлер весьма эффективно использовал тактику кнута и пряника. Так, его в общем-то не интересовал колониальный вопрос, который он использовал как рычаг для оказания давления на Великобританию, добываясь от нее согласия на усиление позиций Германии в Центральной и Восточной Европе. Сентенции фюрера о стремлении немцев жить в мире и согласии с англичанами принимались в Лондоне за чистую монету, тем более что они, как правило, сопровождались выпадами против большевистской России. Этот прием был рассчитан на тех англичан (их было немало в правящей элите), кто считал Германию бастионом Запада против большевизма. Что касается Рейнской зоны, то Гитлер не собирался обсуждать ее статус с кем бы то ни было. Сговорчивость правительств западных держав, демонстрируемая ими слабость и нерешительность убедили его в том, что такие вопросы лучше всего решать в одностороннем порядке.

7 марта 1936 г. части вермахта по приказу Гитлера вступили в Рейнскую область и заняли ее, не встретив отпора (по оценке англичан, в акции участвовали от 35 до 40 тыс. военнослужащих). Германия тем самым грубо нарушила постановления Версальского и Локарнского договоров. Гитлер провел эту акцию под предлогом, будто советско-французский пакт о взаимопомощи несовместим с духом Локарно и угрожает Германии. Характерно, что данный тезис разделялся официальным Лондоном [8, р. 42], который стремился воспрепятствовать ратификации пакта Палатой депутатов Франции. Так, министр иностранных дел А. Иден в беседе со своим французским коллегой П. Фланденом 27 января 1936 г. выразил удивление той «поспешностью», с какой, по его мнению, правительство Франции было намерено решать этот вопрос [9, р. 225]. Еще более определенно высказался О. Сарджент в памятной записке от 1 февраля 1936 г.: «Я понимаю, что всякий совет французам в отношении ратификации пакта сопряжен с риском; но ратификация будет иметь такие далеко идущие последствия для нас и нашей политики в Европе, что я не уверен, что риск не будет оправданным в плане рекомендации отложить ратификацию до тех пор, пока положение в Европе не прояснится». По мнению Сарджента, франко-германские отношения могут ухудшиться, это исключит возможность сближения

западных держав с Германией. Он предложил настоять на том, чтобы правительство А. Сарро отложило ратификацию [9, р. 223-224]. Но его рекомендация не была принята, так как министр иностранных дел А. Иден и его постоянный заместитель Р. Ванситтарт опасались утечки информации и неизбежного в связи с этим скандала.

Тезис нацистов об угрозе Германии со стороны СССР и Франции был явно абсурдным, поскольку последние не имели никаких территориальных претензий к ней, а их договор о взаимопомощи 1935 г. предусматривал только ответные действия против агрессии. Симптоматично и то, что Германия ввела войска в демилитаризованную зону, не дождавшись ратификации пакта французским сенатом. По всей видимости, у руководства Третьего рейха отсутствовала уверенность в том, что ратификация состоится и тогда отпал бы надуманный предлог для проведения этой акции [10, с. 235].

Реокупация Рейнской области представляла серьезную угрозу прежде всего для безопасности Франции. Однако французское правительство не собиралось прибегать к военным мерам воздействия на Германию, опасаясь спровоцировать Гитлера, и было готово предпринять демарш только при условии, что другие державы Локарно - Англия и Бельгия - его поддержат [3, с. 99].

Англия вообще не желала применять каких-либо санкций против Германии. В основу действий правительства был положен меморандум военного министерства от 8 марта 1936 г. В нем отмечалось, что акция Гитлера явилась «шоком для общественного мнения в Европе». Возможные военные контрмеры Франции признавались крайне нежелательными, более того - грозящими подорвать основы взаимоотношений с фюрером. Участие Великобритании в антигерманских действиях отвергалось под предлогом занятости в Египте и неблагоприятного состояния ее вооруженных сил. В документе подчеркивалось, что Бельгия отнесется отрицательно к акции возмездия, а Италия не предпримет ничего до тех пор, пока с нее не сняты санкции. Руководители министерства выступали против мер военного и экономического давления на Германию, так как она «добивается все больших успехов в политике автаркии» и, кроме того, санкции сопряжены с большим риском войны.

Составители меморандума предлагали начать переговоры с германским правительством, взяв за основу его предложения от 7 марта: пакт о ненападении с Францией и Бельгией, воздушная конвенция, возможное возвращение Германии в Лигу Наций. В заключение указывалось: «Угроза перевооружения Германии остается по-прежнему значительной, но больше шансов на ее уменьшение путем сотрудничества, нежели путем ostrакизма» [11, р. 130-134].

Позицию правительства поддерживали влиятельные финансовые группы лондонского Сити. Так, один из руководителей фирмы «Джессел, Тойнби и Ко» Н. Лоу, в прошлом первый секретарь Форин оффис, в письме Сардженту от 9 марта 1936 г. указывал: «Настроение Сити в своем подавляющем большинстве прогерманское... Я никогда не ожидал той глубины антифранцузских чувств, которые формируют здесь основу всех суждений по вопросам внешней политики». Лоу отметил значительное влияние в Сити тех, кто убежден в том, что даже колониальный вопрос должен стать предметом переговоров с Берлином. Раскрывая подоплеку таких настроений, он написал: «Они признают, что, возможно, Германия намеревается осуществить восточную авантюру, как только укрепит свою западную границу, но не опасаются, что мы будем вовлечены [12, р. 71, 72] (в войну. - А.И.).

Вероятность продвижения Германии на Восток подкреплялась донесениями, поступавшими в Лондон от различных источников. Так, английский военный атташе в Берлине полковник Ф. Мэйсон-Макфарлейн передал в Форин оффис 5 марта 1936 г. запись беседы с одним из офицеров германского генерального штаба. Тот подтвердил стремление Гитлера осуществить агрессию против Эстонии, Латвии, Литвы, Чехословакии и Австрии, что должно было привести к войне Германии с Россией. В донесении подчеркивались мирные намерения германского правительства по отношению к Англии и ее империи [16, р. 186]. Эта и подобная ей информация лишь укрепляла решимость британских правительственных кругов достичь скорейшего соглашения с Германией.

Реакция европейских стран на действия Гитлера была неоднозначной. Французское правительство отнеслось к ремилитаризации Рейнской области спокойно и заявило, что «не будет предпринимать изолированной акции против Германии, но считает необходимым проведение консультаций с другими державами Локарно с целью согласования позиции перед тем, как поставить вопрос в Лиге Наций» [13, р. 253]. Как сообщил английский посол Дж. Кларк из Парижа, министр иностранных дел Франции П. Фланден придерживается той точки зрения, что акцию Германии нужно осудить примерно так же, как Франция осудила введение Гитлером всеобщей воинской повинности в марте 1935 г. [13, р. 254]. Правительство Бельгии поддержало предложение Франции поставить вопрос о нарушении Германией Версальского договора и Рейнского гарантийного пакта перед Лигой Наций и созвать совещание представителей держав Локарно. Бельгийцы настаивали на срочности и принятии коллективных мер даже независимо от позиции Италии [11, р. 37]. Что касается Италии, то, как сообщил английский посол в Риме Э. Друммонд, правительство Муссолини «с учетом антиитальянских санкций не считает возможным предпринимать какие-либо действия против Германии» [14, р. 16]. По сведениям, поступившим в Форин оффис, правительства восьми европейских стран (Греции, Турции, Югославии, Швеции, Норвегии, Дании, Польши и Болгарии) дали понять, что не поддержат введение санкций против Германии [15, р. 52-53, 58]. И только СССР и Чехословакия склонялись в пользу принятия международных обязательств [15, р. 54-55, 57]. В беседе с Фланденом 7 марта 1936 г. советский полпред в Париже В.П. Потемкин заявил, что «всем известно лояльное отношение СССР к принятым на себя обязательствам договорного порядка. СССР вступил в Лигу Наций с намерением активно участвовать в организации безопасности и мира. СССР не уклонялся и не уклонится от выполнения обязательств, налагаемых на него Пактом Лиги Наций» [16, с. 126].

10 марта в Париже открылось совещание представителей держав Локарно (Великобритании, Франции, Италии и Бельгии). Английский министр иностранных дел А. Иден, следуя правительственной инструкции, подверг сомнению целесообразность применения санкций против Германии. Совещание закончилось решением передать вопрос на обсуждение Совета Лиги Наций. По настоянию английской делегации сессия была перенесена из Женевы в Лондон и на нее приглашены германские представители.

Рассматривая 13 марта создавшееся положение, правительство Великобритании высказалось против применения каких-либо санкций; вместо этого была одобрена линия на углубление отношений с Германией путем установления прямых контактов с Гитлером. В протоколе заседания отмечено, что «общественное мнение в этой стране (т.е. Великобритании. - *А.И.*) более благосклонно к Германии, нежели Франции и определенно настроено против войны» [17, р. 155-156, 163]. Впрочем, ситуация выглядела несколько иначе. Н. Лоу в письме О. Сардженту от 12 марта 1936 г. отметил некоторое изменение в настроении финансовых групп лондонского Сити: 30% были настроены против Германии и Франции; 20% - пробритански, против Германии и равнодушны к Франции. Высказывалась также озабоченность ситуацией, сложившейся в Европе, и вероятностью применения санкций против Германии [15, р. 223-224]. Комментарий постоянного заместителя министра иностранных дел Р. Ванситтарта был лаконичным: «Мнение Сити укрепляет мой оптимизм относительно человеческой мудрости» [15, р. 222].

14 марта в Лондоне открылась сессия Совета Лиги Наций. Британские делегаты сделали все возможное, чтобы не допустить каких-либо антигерманских действий. Как свидетельствовал нарком по иностранным делам СССР М.М. Литвинов, «англичане стремятся поскорее втянуть французов в переговоры с Гитлером» [16, с. 142]. Такая позиция официального Лондона способствовала ухудшению англо-французских отношений. Форин оффис телеграфировал в Париж 17 марта, что настроение Фландена было «очень удрученное и мрачное». Французский министр иностранных дел высказал опасение, как бы П. Лаваль и Э. Даладьё не предприняли усилий к достижению прямого соглашения без нас» (т.е. англичан. - *А.И.*). При этом он подчеркнул, что Лаваль не раз заявлял о крайней ненадежности Великобритании [7, с. 68].

Отступление Франции от первоначальной позиции в вопросе о Рейнской зоне (французы намеревались применить экономические и финансовые санкции к Германии, согласовав их с другими державами Локарно) определялось в немалой степени ее зависимостью от Лондона. Эта зависимость неуклонно возрастала по мере усиления Германии и Италии, сближения между ними и ослабления влияния Франции в Европе. Но действовали и такие факторы, как сложная внутривосточная борьба (Франция стояла на пороге всеобщих выборов в парламент), стремление правых и правых как-то договориться с Гитлером. Вот как оценивает кризисную ситуацию в марте 1936 г. Р. Эванс: «Если бы французы решили направить свои войска для отпора, то немцы были бы выбиты оттуда в течение нескольких часов, несмотря на приказ Гитлера не отступать. Однако они этого не сделали. Поверив, что немецкое военное присутствие было в десять раз больше фактического, и ослабленное из-за общественного беспокойства в связи с возможной войной накануне всеобщих выборов, французское правительство выбрало бездействие. Их позицию поддержали англичане, которые постарались ограничить любую поспешную реакцию. В конечном счете произошло лишь то, что Германия восстановила свой суверенитет над своей собственной территорией, и никто не считал, что это стоило развязывания масштабной войны. Никто на данном этапе не думал, что Гитлер чем-то отличается от предыдущих немецких политиков, которые никогда не скрывали своего желания вернуть войска обратно в долину Рейна. На самом деле общественное равнодушие по этому вопросу в Великобритании было настолько сильно, что правительство даже отказалось поддержать идею установить санкции Лиги Наций для Германии за то, что фактически было нарушением международных мирных соглашений. На тот момент Гитлер сделал свою самую большую ставку и не проиграл» [1, с. 689-690].

Архив Форин оффис позволяет дополнить европейский политический ландшафт в марте 1936 г. новыми фактами. Так, в меморандуме «Экономические санкции против Германии» от 14 марта отмечалось, что, судя по имеющейся информации, санкции не поддержат такие страны, как Греция, Турция, Югославия, Швеция, Норвегия, Дания и Польша. Что касается Франции, то ее первоначальная позиция изменилась под воздействием Великобритании, и французы не считают, что санкции будут эффективными. Интересным представляется пассаж, посвященный СССР: «Нет сомнений в том, что Россия присоединится к санкциям, если они будут введены Советом Лиги Наций, даже если санкции поддержат только Англия и Франция». В меморандуме вновь прозвучала мысль о том, что Италия не поддержит антигерманскую акцию до тех пор, пока с нее не будут сняты санкции. Автор меморандума, один из ведущих сотрудников Форин оффис Г. Джебб, дал такую оценку позиции Германии: «Гитлер заявил, что санкции не нанесут ущерба Германии» [15, р. 53-56]. И еще одно мнение, проливающее свет на позицию Великобритании, - руководителя Экономического департамента Форин оффис Ф. Эштон-Гуэткина: «Финансовые санкции против Германии будут иметь неблагоприятные последствия для британских финансовых учреждений и спровоцируют отток капитала из Лондона и падение фунта стерлингов. Следовательно, финансовые санкции нанесут больше ущерба Великобритании, нежели Германии» [17, р. 114].

Значение реокупации нацистами Рейнской области трудно переоценить. Рухнула локарнская система безопасности, которая, казалось бы, служила надежным заслоном на пути германской экспансии. Укрепление западной границы Германии, которое последовало за этим, позволяло Гитлеру рассчитывать на успешное продвижение как на Запад, так и на Восток. Позиции Франции в Европе были основательно подорваны, равно как и моральный дух многих французов. Начальник французского генерального штаба М. Гамелен оценил ситуацию пессимистически: «Германия, построив оборонительные укрепления в зоне, может спокойно приступить к агрессии против Австрии, Чехословакии и Польши, так как эта укрепленная граница делает для Франции задачу оказания помощи этим странам практически невозможной. Единственное, что сможет Франция, - это двинуть свои войска окружным путем через Бельгию, но сомнительно, чтобы Бельгия приветствовала это» [15, р. 145].

Действительно, Бельгия после ввода немецких войск в Рейнскую область предпочитала придерживаться нейтралитета. Наконец, заметный ущерб был нанесен и отношениям Франции с Великобританией. Об этом можно судить по материалам архива Форин оффис. Так, 15 марта 1936 г. канцлер казначейства Н. Чемберлен встретился в Лондоне с французским министром иностранных дел П. Фланденом. В свете недавних событий Фланден поставил вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с Великобританией. Чемберлен не решился на категорический отказ, но дал понять, что это дело чрезвычайно трудное: «В Англии большим влиянием пользуются круги, которым не по вкусу пакты о взаимопомощи и они желали бы избавиться даже от имеющихся пактов». В целях замирения с Германией он не исключил возможности уступок ей в колониальном вопросе, соглашаясь рассматривать его как «часть общего урегулирования» [18, р. 44-46].

Для успокоения Франции правительство С. Болдуина приняло решение о проведении англо-франко-бельгийских штабных переговоров, но и они трактовались Лондоном в основном как средство достижения компромисса с Гитлером. Так, О. Сарджент в памятной записке от 26 марта 1936 г. подчеркнул, что надо вести переговоры осторожно, «чтобы не обесценить их (в глазах французов. - А.И.) и не показывать им, что в какой-то момент мы подключим к ним немцев». А. Иден и Р. Ванситтарт согласились с такой постановкой вопроса [19, р. 103]. Днем раньше, 25 марта, английский министр иностранных дел имел беседу с германским послом в Великобритании Й. фон Риббентропом. Иден интересовался отношением Германии к предстоящим переговорам. Риббентроп высказал отрицательное мнение на этот счет [19, р. 109]. Видимо, такой ответ повлиял в числе прочих факторов на ход и исход переговоров: начавшись в Лондоне 15 апреля, они велись вяло и безынициативно прежде всего со стороны англичан и не дали каких-либо практических результатов.

Нежелание Лондона брать на себя твердые обязательства заставляло французов изыскивать запасной вариант гарантий своих границ. 19 марта 1936 г. английский посол в Париже Дж. Кларк сообщил в Форин оффис о беседе с премьер-министром А. Сарро: «Сарро высказал опасение, что результатом переговоров в Лондоне будет дальнейшее ослабление Лиги и разрушение доверия Франции к Великобритании». Он с горечью заметил, что английское правительство намеревается отказаться от гарантийных обязательств перед Францией и Бельгией, предпочитая им роль посредника. В случае подобного исхода Франции не останется ничего иного, как либо обратиться к Италии и сблизиться вместе с ней с Германией, либо делать это самостоятельно, полагаясь на свои ресурсы, колонии и способность защитить себя от агрессии [20, р. 24]. И хотя официальный Лондон не преувеличивал значения сказанного, поскольку, как отметил Сарджент, «у Франции нет достаточных средств для оформления соглашения с Германией, направленного против нас, особенно сейчас» [20, р. 21-22], все же британские политики и дипломаты не собирались игнорировать полученную информацию.

Упорное нежелание Великобритании брать на себя обязательства по отношению к Франции определялось в известной мере стремлением сохранить за собой свободу действий на случай продвижения немцев на Восток. Так, Сарджент писал, что если возникнет германо-французский конфликт, то скорее всего «из-за чего-то третьего», т.е. интересов Франции на востоке Европы (Чехословакия, Польша, СССР). Он выразил надежду на то, что Франция, будучи настроенной очень миролюбиво, скорее «откажется от своих обязательств по отношению к России, чем рискнет на войну с Германией» [20, р. 70-71]. Разумеется, Лондон не помышлял тогда о полном демонтаже связей с Францией, речь шла, скорее, о том, чтобы по возможности ограничить их, не разрушая при этом доверия французов. На заседании кабинета 1 апреля 1936 г. министр по координации обороны Т. Инскип подчеркнул: необходимы инструкции по штабным переговорам с Францией и Бельгией, ибо «если в Средиземном море наши позиции достаточно прочные», то положение в Северной Европе внушает опасения - «мы можем попасть в зависимость от французского флота». Такая зависимость представлялась нежелательной [21, р. 69], поскольку даже в случае войны Англия предпочитала держать своих союзников в неведении относительно собственных намерений.

Рейнский кризис 1936 г. оказал разрушительное воздействие на мир и стабильность в Европе. Германия сумела без потерь оккупировать демилитаризованную зону и выдвинуть свои войска к границе с Францией и Бельгией. По позициям западных держав, их престижу и влиянию в мире был нанесен мощный удар. В лагере Малой Антанты усилились центробежные тенденции, а в Европе в целом - настроение неуверенности и страха. Лига Наций, не успев оправиться от итало-эфиопской войны, понесла серьезный урон и вступила в затяжной, перманентный кризис. Верховенство над международным правом приобрели сила и угроза ее применения, что в условиях распада Версальской системы и разобщенности миролюбивых держав делало Вторую мировую войну неизбежной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939. - М.: Астрель, 2012.
2. Public Record Office (Государственный архив Великобритании). FO 371/18838. лее - PRO).
3. Иванов А.Г. Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. - М.: МГМУ, 2014.
4. PRO. FO 371/18852.
5. PRO. FO 371/18851.
6. PRO. CAB 24/260.
7. Overy R.J. The Air War 1939-1945. - L.: Published by Europa, 1980.
8. PRO. FO 371/18846.
9. PRO. FO 371/19879.
10. Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность 1929-1939. - М.: Наука, 1976.
11. PRO. FO 371/19888.
12. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. - L., 1977. Second Ser. Vol. XVI.
13. PRO. FO 371/19887.
14. PRO. FO 371/19889.
15. PRO. FO 371/19892.
16. Документы внешней политики СССР. - М., 1974. - Т. XIX.
17. PRO. FO 371/19893.
18. PRO. FO 371/19898.
19. PRO. FO 371/19897.
20. PRO. FO 371/19895.
21. PRO. FO 371/19900.

REFERENCES

1. Evans R. Tretij rejch. Dni triumfa: 1933-1939. [The Third Reich in Power: 1933-1939]. Moscow. 2012. (in Russ.).
2. Public Record Office (Gosudarstvennyj archiv Velikobritanii). FO 371/18838 (later on - PRO). (in Eng.).
3. Ivanov A.G. Velikobritanija i Tretij rejch nakanune Vtoroj mirovoj vojny. [Great Britain and the Third Reich before the Second World War]. Moscow, 2014. (in Russ.).
4. PRO. FO 371/18852. (in Eng.).
5. PRO. FO 371/18851. (in Eng.).
6. PRO. CAB 24/260. (in Eng.).
7. Overy R.J. The Air War 1939-1945. L.: Published by Europa, 1980. (in Eng.).
8. PRO. FO 371/18846. (in Eng.).
9. PRO. FO 371/19879. (in Eng.).
10. Belousova Z.S. Francija i evropejskaja bezopasnost' 1929-1939. [France and European security 1929 - 1939]. Moscow, 1976. (in Russ.).
11. PRO. FO 371/19888. (in Eng.).
12. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. L., 1977. Second Ser. Vol. XVI. (in Eng.).
13. PRO. FO 371/19887. (in Eng.).
14. PRO. FO 371/19889. (in Eng.).
15. PRO. FO 371/19892. (in Eng.).

16. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. [Documents of Foreign Policy of the USSR]. Moscow, 1974. Т. XIX. (in Russ).
17. PRO. FO 371/19893. (in Eng.).
18. PRO. FO 371/19898. (in Eng.).
19. PRO. FO 371/19897. (in Eng.).
20. PRO. FO 371/19895. (in Eng.).
21. PRO. FO 371/19900. (in Eng.).

Информация об авторе:

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

Получена: 06.09.2017

Для цитирования: Иванов А.Г. Рейнский кризис 1936 г. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 1. с.76-85.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85.

Information about the author:

Alexander G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of General History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

Received: 06.09.2017

For citation: Ivanov A.G. The Rhineland crisis of 1936. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.5 Part. 1. Pp. 76-85.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-76-85. (in Russian)